

Брайан Олдисс

СУПЕРИГРУШЕК ХВАТАЕТ НА ВСЕ ЛЕТО

Рассказы, которые легли в основу сценария «Искусственного разума» Стивена Спилберга!

АЗБУКА-КЛАССИКА
ФАНТАСТИКА

Вопрос математики
Брайан Олдисс

Аннотация
Брайан Олдисс. Вопрос математики

Аннотация

Ироничные и увлекательные летописи первых попыток человечества принести блага земной цивилизации на далекие планеты…

Брайан Олдисс
Вопрос математики

В Джойс Баргайст было нечто забавное. Питалась она исключительно йогуртом и булкой с вареньем. Она никогда не мыла голову. Не пользовалась Баргайст и особой любовью в своем университете. И все же Кратчайший Путь Баргайст кардинально изменил всю вселенную. Изменил просто, резко, неизбежно и безвозвратно.

Конечно же, это был вопрос математики. Все изменилось.

На заре существования человечества восприятие было заперто в доме с закрытыми ставнями. Затем, одна за другой, ставни начали с треском открываться или, можно сказать, распахиваться под давлением внутренних сил. «Реальный» мир, находившийся снаружи, был воспринят органами чувств. Потому что восприятие — подобно всему прочему — также эволюционирует.

Однако нельзя утверждать с полной уверенностью, что распахнулись все до единого ставни.

Когда-то, «в старые добрые времена», было хорошо известно, что пещеры Альтамиры в Испании обнаружены совершенно случайно и честь их открытия принадлежит пятилетней девочке. Она ушла от отца и потерялась. Ее отец был археологом. Он был ужасно занят, изучая найденный им древний камень, чтобы заметить

исчезновение дочери.

Мы можем без труда представить себе прекрасный день, немолодого мужчину, опустившегося на колени перед камнем. Маленькую девочку, собирающую цветы. Она находит и голубые цветочки, и красные, и желтые. Она бездумно отходит все дальше и дальше. Земля повсюду неровная, растрескавшаяся. Малышка пытается забраться на склон. Под ее ногами осыпается песок подобием лавины в игрушечном городе. Девочка видит расщелину. Ей неведом страх, ею движет исключительно любопытство. Девочка забирается внутрь и преодолевает совсем небольшое пространство. Она в пещере. Там на стене она видит рисунок, изображающий дикого быка.

Картинка пугает девочку. Она выбирается наружу и бегом возвращается к отцу и испуганным криком сообщает о том, что только что видела животное. Археолог оставляет камень и отправляется посмотреть, что там испугало его дочь.

Его взгляду открывается огромная галерея рисунков, оставленных охотниками или шаманами эпохи палеолита, а может быть, охотниками-колдунами. Степень мастерства, с которой выполнены эти наскальные изображения, изменяет человеческое представление о прошлом. Мы

начинаем верить в то, что понимаем эту привлекательную магию, тогда как на самом деле нам не удается постичь ее. Модели нашего мышления изменились, мы оказались не способны к пониманию образа мысли людей эпохи палеолита, как бы ни пытались вникнуть в него. Мы усвоили научную, математическую модель сознания и научились по ней жить.

Ключи к истинному пониманию вселенной можно обнаружить где угодно. Эти ключи отыскиваются один за другим, и, когда приходит время, нам удается понять их истинную суть. Огромные древние рептилии, чьи останки ученые находят в толще горных пород, многие миллионы лет ждали той минуты, когда им дадут объяснение. Они расширили представление людей о возрасте нашей планеты. Часто такие потрясения в понимании окружающего мира ассоциируются с женщинами. Возможно, это происходит из-за магии, присущей их личностям (правда, в Джойс Баргайст такой магии было не слишком много). Например, останки древнего животного, как было установлено позднее — динозавра, первой обнаружила женщина, миссис Гидеон Мантелл.

Все эти открытия кажутся поначалу едва ли не волшебными, однако позднее воспринимаются

нами как должное, совершенно спокойно. То же самое можно сказать и о случае с Кратчайшим Путем Баргайст.

Сейчас он порядком подзабыт, однако этот, подобный открытию пещер Альтамиры случай, связанный с Баргайст, помог понять и объяснить явление северного сияния, также именуемого aurora borealis. Бессчетное количество лет его объясняли как взаимодействие заряженных частичек солнечного света с частицами верхних слоев атмосферы. Все верно, сигнал порождался заряженными частицами, однако никто до Баргайст не додумался до истинной сути этого феномена.

Джойс Баргайст была невысокого роста и не пользовалась особой любовью в университете по причине своей необщительности. Она неспешно разрабатывала и усовершенствовала компьютер, работавший скорее на основе спектра цвета, а не математики. После того как Баргайст сформулировала новые уравнения и создала свой аппарат, она какое-то время занималась исследованиями тех последствий, которые могут возникнуть позднее.

В стенах своего уединенного дома Баргайст смастерила для себя некое подобие скафандра на

колесиках, оснащенного мощными фарами, с аварийным запасом кислорода и продовольствия. Только после этого она проехала по верхней площадке, забравшись в свой новоявленный передвижной скафандр, по заранее отмеренному расстоянию в два с половиной метра, под аркой сканеров И передатчиков изобретенного ею аппарата.

Оказавшись на другом конце арки и не испытав никакого толчка, который заставил бы ее возвестить о революции человеческого сознания, Баргайст оказалась в кратере Аристарха, расположенном на Луне, спутнике Земли.

В этой связи стоит освежить в памяти тот факт, что великий Аристарх Самосский, в чью честь назвали кратер, был первым астрономом, верно истолковавшим важное небесное явление, о котором мы сейчас редко вспоминаем, — то, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот.

Именно там и оказалась Джойс Баргайст, сильно удивленная и слегка раздосадованная. Согласно ее расчетам, она должна была находиться в кратере Коперника. Не оставалось никаких сомнений в том, что ее изобретение получилось более примитивным и несовершенным, чем она предполагала.

Поскольку Баргайст не удалось выбраться из кратера, она лишь передвигалась по кругу внутри него, испытывая радость от своего изобретения, которое мы и по сей день называем Кратчайшим Путем Баргайст или просто «баргайстом».

Вернуться на Землю отважная исследовательница никак не могла. Соорудить такую же арку, сделавшую возможным путешествия на Луну, суждено было другим людям. Бедняжка Джойс Баргайст нашла свою неминуемую погибель в жерле кратера Аристарха, с последним в ее жизни бутербродом с вареньем на коленях, возможно, оставшись вполне довольной собой. Он отправила радиосообщение на Землю, которое было благополучно принято. Управление космических исследований отправило на Луну корабль, который прибыл на место слишком поздно для Джойс Баргайст.

Через год после ее смерти через подобные арки-порталы было установлено сообщение с ближайшей соседкой Земли, и вскоре поверхность этого небесного тела была буквально завалена всевозможными строительными материалами.

Но кто или что оставило спектрально закодированный след в небесах Арктики? Наверное, нам суждено еще долго дожидаться часа, когда

кто-то дает нам разгадку этого Принцип действия «баргайста» был, разумеется, изучен самым тщательным образом. Выяснилось, что пространство/время обладает совсем не такой конфигурацией, как предполагалось. Имеет место другая сила, широко известная под названием Сила Сквиджа. Космологи и математики тщетно пытались объяснить ее, потому что она не укладывалась ни в одну из известных математических систем/категорий. Сложные математические системы, на которых зиждется наша глобальная цивилизация, как оказалось, имеют исключительно локальное применение. Они не могли выразить даже гелиопаузы. Поэтому, хотя практические стороны «баргайста» удалось успешно реализовать и люди повсюду на Земле (купив, естественно, билет) совершали кратковременные прогулки по лунной поверхности, лакуны в области математики по-прежнему оставались предметом глубокого научного исследования.

Два века спустя с этой историей оказался связан и я. Попытаюсь попроще объяснить то, что случилось. Впрочем, в этом происшествии фигурирует не только P-L6344, в нем участвуют также и миссис Стонтон, генерал Томлин Виллетс и подруга жены генерала Молли Левatикус.

Меня, кстати сказать, зовут Терри Мэнсон, L44/56331. Я обитатель Лунар-Сити IV, более известного под названием Айви. Я был старшим по развлечениям и работал на производителей ИЛ, индивидуальных лекарств, этих усовершенствованных снадобий, создаваемых в соответствии с личным индивидуальным кодом потребителя.

До этого я трудился в базировавшейся на Луне СНАМ — Службе надзора за астероидами и метеоритами, где и узнал кое-что о проделках генерала Виллетса. Виллетс оказался активным потребителем ИЛ. Он был начальником СНАМ, которую возглавлял уже три года. Последние три месяца Виллетс был самым серьезным образом увлечен Молли Леватикус, которая работала в подведомственной ему службе в должности младшего оператора. Вскоре ее назначили личным секретарем генерала. Вследствие этого, державшегося в самом строгом секрете любовного романа, о котором, впрочем, на базе знали многие, генерал Виллетс ходил, погруженный в романтические грезы.

Моя еще более серьезная проблема также имела отношение ко сну. Вполне возможно, что в мячике для гольфа, одиноко лежащем на пустынном морском берегу, нет ничего зловещего.

Однако когда один и тот же сон повторяется из ночи в ночь, волей-неволей начинаешь испытывать сильное беспокойство. Все тот же мячик для гольфа, все тот же пустынный морской берег. Оба — олицетворения неподвижности и потому внушают подспудное беспокойство.

Со временем сон стал еще более навязчивым. Казалось — иначе я не могу это выразить, — каждую ночь картина становится все более и более реальной. Что не могло не вызвать у меня сильной обеспокоенности.

В конце концов я записался на прием к миссис Стон-тон, миссис Рослин Стонтон, самому известному в Айви ментатописту.

После набора стандартных вопросов, связанных с общим состоянием моего здоровья, особенностями сна и тому подобным, Рослин — мы вскоре стали обращаться друг к другу просто по имени — спросила меня о том, как я сам истолковываю мой сон.

— Это обычный мячик для гольфа. Ну… Впрочем, на нем есть маркировка, типичная для таких мячиков, стандартная маркировка. Другого объяснения им дать не могу. И он лежит на боку.

Когда я задумался над тем, что только что сказал, то понял, что изрек настоящую глупость. У

мячика для гольфа нет боков. Значит, это был не мячик.

— И он лежал на берегу моря? — переспросила моя собеседница.

— Именно.

— Значит, это не на Луне.

— Это не имеет ничего общего с Луной. — Тут я ошибался.

— А что это был за берег? Пляж какого-нибудь курорта?

— Ничего подобного. Бесконечный берег. Какой-то чужой, неласковый. Каменистый. Довольно унылый и неприглядный.

— Вы узнаете этот берег?

— Нет. Место какое-то тревожное. Такое же тревожное, какой бывает бесконечность. Просто огромный отрезок территории, где ничего не растет. Ах да, еще и океан. Океан какой-то угрюмый. Волны тяжелые, свинцовые. И медленные, ленивые. Примерно минуту одна волна набирает силу и соскальзывает на берег. Мне следовало бы засечь время.

— Время в снах — ненадежная субстанция, — ответила моя собеседница. — Соскальзывает на берег, я правильно повторила?

— Волны, похоже, не разбиваются о берег. Они

просто опускаются на него. — Я замолчал, на какое-то время задумавшись о преследовавшей меня безжизненной картине, безжизненной и в то же время представлявшейся мне удивительно соблазнительной. — У меня такое ощущение, будто я когда-то был там. Небо. Оно какое-то тяжелое и обволакивающее.

— Вам это показалось неприятным?

Я с удивлением услышал собственный ответ:

— Нет, я чувствовал, что мне это нужно, оно что-то обещает мне. Что-то такое возникает… появляется… наверное, из моря.

— Почему вы больше не хотите видеть этот сон, если испытываете в нем потребность?

Ответить на вопрос я не смог.

Пока я по три раза в неделю встречался с Рослин, генерал проводил сеансы с Молли Леватикус гораздо чаще. А астероид P-L6344 тем временем стремительно приближался к Луне.

Молли была интеллектуалкой, играла на серебристой трубе, говорила на семи языках, была шахматным чемпионом, а также гиперсексуальна и склонна к всевозможным проказам. У нее были темные волосы, дерзко вздернутый симпатичный носик. На таких мужчины слетаются как мухи на мед. Даже такие, как генерал Виллетс.

Жена генерала, Гермиона, была слепа от рождения. Виллетс же не был лишен легкой склонности к садизму. Иначе как бы он стал генералом? Все мы в некотором смысле слепы — или в личной жизни, или разделяем общие заблуждения. Например, миллионы жителей Земли, во всем остальном кажущиеся разумными, до сих пор верят в то, что Солнце вращается вокруг Земли, а не наоборот. Этого убеждения, несмотря на доказательство прямо противоположного характера, они придерживаются вот уже многие столетия.

Люди такой разновидности обычно защищают свою точку зрения, утверждая, что верят лишь собственным глазам. И все же мы знаем, что наши глаза различают лишь малую часть электромагнитного спектра. Все наши чувства в той или иной степени ограничены. В силу этих ограничений мы часто ошибаемся. Даже «непоколебимому свидетельству», касающемуся сути вселенной, было суждено испытать сильный удар, и все благодаря астероиду P-L6344.

Садистская натура генерала Виллетса привела его к тому, что он убедил свою любовницу Молли Леватикус, что ей следует расхаживать голой по комнатам дома, принадлежавшего ему и его жене, в присутствии слепой Гермионы. По-мое-

му, ей тоже доставляли удовольствие подобные сексуальные шалости. Рослин разделяла мое мнение. Это была шалость. Однако другие видели в Молли и жертву, и жуткую женщину-хищницу.

Никто не задумался о том, что истина, если только существует единая универсальная истина, находится где-то посредине, что между этими людьми существовало некое сходство, не такое уж и необычное, как может показаться, сходство между пожилым мужчиной и юной женщиной. Молли, несомненно, обладала силой, а для него была характерна слабость. Они прекрасно дополняли друг друга, играя на чувствах друг друга.

А еще они играли в кошки-мышки с несчастной Гермионой Виллетс. Она обычно сидела за обеденным столом. Генерал усаживался рядом. Затем в комнату на цыпочках входила обнаженная Молли и перемигивалась с Виллетсом. Затем она начинала расхаживать вокруг стола в медленном танце, вскидывая над головой руки и открывая взгляду небритые подмышки. Совершая движения в стиле гимнастики тай-чи, она постепенно приближалась к слепой женщине. Чувствуя колебания воздуха или слыша еле различимый шум, Гермиона спрашивала:

— Томлин, дорогой, в комнате есть еще кто-

нибудь?

Генерал неизменно давал отрицательный ответ. Иногда Гермиона простукивала палкой окружавшее ее пространство. Молли каждый раз ловко увертывалась.

— Ты странно себя ведешь, Гермиона, — раздраженно заявлял Виллетс. — Отложи свою палку. Ты же еще не сошла с ума, верно?

Иногда подобное проделывалось в гостиной. Гермиона сидела в кресле и читала книгу, отпечатанную по системе Брайля. Молли выпячивала свой кудрявый лобок едва ли не в дюйме от носа Гермионы. Слепая принюхивалась и переворачивала очередную страницу. Затем Молли приближалась к генералу, расстегивала молнию на его брюках и извлекала наружу его эрегированный пенис, скользя по нему пальцами, как опытный музыкант, умело прикасающийся к флейте. В таких случаях Гермиона могла поднять на супруга незрячий взгляд и поинтересоваться, что он делает.

— Просто пересчитываю мои медали, дорогая, — обычно отвечал тот.

Каким же образом бедняжка Гермиона воспринимала окружающий мир? Насколько ошибочным было ее восприятие? Или же она

предпочитала ничего не подозревать, чувствуя себя крайне беспомощной?

Однако генерал оказался в той же степени слеп, оставив без внимания сигналы Службы надзора за астероидами и метеоритами, требовавшими немедленного принятия мер, способных сдвинуть с орбиты или просто уничтожить неумолимо приближающийся P-L6344. Виллетс был всецело занят своими личными делами амурного свойства, я же полностью поглощен ментатропическими визитами к Рослин. В то время как наши тела двигались каждое своим курсом, так и тела Солнечной системы двигались своими. Астероиды типа Аполлон регулярно пересекают орбиту Земли/Луны. Из этих девятнадцати небесных тел относительно малого размера самым известным, пожалуй, является Гермес, который один раз прошел возле Луны на расстоянии, всего лишь в два раза превышающем расстояние между Луной и Землей. Астероид P-L6344 — небольшой каменный обломок диаметром всего сто девяносто метров. Во время его прошлого пересечения лунно-земной орбиты отважный астронавт Флавия да Бельтрау до Балле смогла зацепиться за астероид и установить на его поверхности миниатюрную копию патагонского

флага, изготовленного из металла. В то время, о котором я рассказываю, астероид приближался очень быстро, с наклоном в пять градусов относительно плоскости эклиптики. Лучшие прогнозы свидетельствовали о том, что он столкнется с Луной 5 августа 2208 года в 23.03 в нескольких километрах севернее Айви. Однако оборонительные мероприятия запоздали, потому что генерал Виллетс был занят делами иного рода.

Так почему же компьютеры не получили команды от других людей, а ракеты не были приведены в действие подчиненными генерала? Ответ, по всей видимости, состоит в том, что все остальные были заняты абсурдными делами своих собственных крошечных вселенных, из которых они создают свой центр восприятия. Погруженные в развлечения, они никоим образом не желали что-либо делать.

Возможно, мы окружены ненавистной нам реальностью. Она представляется нам слишком холодной. Разновидности восприятия управляются нашим собственным «я». Французский писатель Гюстав Флобер, когда его спросили, кто послужил прообразом главной героини его романа «Мадам Бовари», ответил: «Эмма Бовари? Эмма — это я!» Разумеется, все свои страхи и ком-

плексы Флобер выплеснул на страницы своей знаменитой книги. «Мадам Бовари» — идеальный образец проторазвлечений.

Даже когда навстречу нам стремительно двигался астероид Аполлон, даже когда мы оказались в смертельной опасности, я пытался — под руководством Рослин — отыскать значение моего странного сна в работах немецкого философа Эдмунда Гуссерля. Гуссерль что-то такое затронул в моей душе, потому что он отвергает все предположения о существовании, всему прочему предпочитая субъективность восприятия индивида в качестве способа познания вселенной.

Умный он был человек, этот Гуссерль. Но слишком мало сказал о том, что на самом деле представлял бы собой окружающий мир, окажись наше восприятие ложным. Или, например, если бы мы недостаточно быстро восприняли кризис, связанный с приближением астероида.

В поверхность Луны астероид P-L6344 врезался почти точно в предсказанный срок. Совершенно случайно это произошло в кратере Коперника, в том самом, куда намеревалась когда-то попасть Джойс Баргайст. Орбита Луны на миг слегка сдвинулась. Все жители Айви потеряли равновесие и попадали кто куда. Гермиона в поисках своей

палки схватила Молли Леватикус за кудрявый лобок и испуганно закричала: «Здесь кошка!»

Немало домов и карьер рухнуло в одночасье, в том числе и карьера генерала Виллетса.

Большинство селенитов поспешило к ближайшим «баргайстам», чтобы поскорее вернуться на Землю. Многих испугало то, что под воздействием удара Луна может сойти с орбиты и улететь во внешний космос. Что до меня — мне разонравились убогие города Земли. Но главным образом я остался на Луне из-за Рослин Стонтон, потому что она никуда не хотела уезжать. Мы с ней твердо решили докопаться до самой сути и выяснить истинную природу моего странного сна. Каким-то удивительным, волшебным образом он стал и ее сном. Наши последующие встречи раз за разом принимали все более интимный, заговорщический характер.

В какой-то момент я даже решил жениться на Рослин, однако не стал ни с кем делиться этой мыслью.

После столкновения с астероидом в течение двух последующих дней все жители Луны пребывали в бессознательном состоянии. Из спектра исчез красный цвет.

Другим непонятным эффектом было то, что сон

о мячике для гольфа перестал посещать меня. Больше я его не видел. Я даже стал скучать по нему. Я перестал приходить к Рослин в прежней роли пациента. Поскольку и она теперь играла в моей жизни другую роль, я смог спокойно пригласить ее отобедать со мной в ресторане «Вид на Землю», где подавали удивительно вкусную рыбу-ангела, а затем отправился вместе с ней осматривать место столкновения с астероидом. К тому времени последствия катаклизма приняли более спокойный характер.

За окном нашего автомобиля, двигавшегося в западном направлении, долго мелькал унылый пейзаж — усыпанная слоем серого пепла поверхность Луны. По обеим сторонам дороги были расставлены пластмассовые сосны — неуклюжая попытка хоть немного оживить унылый лунный ландшафт. Когда мы отъехали от города на километр, возле дорожной развилки их больше не было видно. Далекие палисады улавливали косые лучи солнца, превращая их в шпили чужой веры. Мы с Рослин сидели рядом и молчали, погруженные в свои мысли. Выключили радио.

— Я скучаю по Гогену, — неожиданно нарушила молчание Рослин. — По его ярким экспрессионистским цветам. Чертова Луна какая-то серая,

иногда я так жалею, что меня занесло сюда. «Баргайст» так упростил путешествия. Если бы не ты…

— У меня есть подборка слайдов с картин Гогена. Мне он тоже нравится.

— Правда? Почему же ты раньше никогда не говорил об этом?

— Это мой тайный порок. У меня есть слайды почти всех его картин.

— В самом деле? Я думала, Гоген — давно забытый всеми великий художник.

— Эти восхитительные коренастые женщины, эта шоколадная нагота их кожи. Собаки, идолы, ощущение задумчивого присутствия.

— Неужели ты знаешь картину «Ее зовут Вайраумати»? — мелодично пискнула Рослин. — Женщина сидит на ложе любви и курит. Помнишь?

— А на заднем фоне барельеф — символ любви, верно?

— О господи, да ты действительно знаешь этот шедевр, Терри! Какой там поразительный колорит! Какая сдержанная, чуть угрюмая радость! Давай-ка на радостях остановимся и потрахаемся как следует!

— Чуть позже. Отлично. Его чувства цвета, линии, композиции. Красные озера, оранжевые

леса, зеленые стены…

— Странные у него чувства. Гоген научился видеть мир по-новому. Возможно, он был прав. Может быть, песок действительно розовый.

— Странно, что он ни разу не нарисовал Луну, верно?

— Да, насколько мне известно, ни разу. Он мог нарисовать розовую Луну.

Мы взялись за руки. Наши губы соприкоснулись. Наши языки сплелись. Наши тела бросило друг на друга. Мы вожделели друг друга. Страстно желали цветового разнообразия. Вскоре на дороге стали заметны трещины. Пришлось сбросить скорость.

Мои мысли унеслись в мир, открытый Полем Гогеном, и — другое дело — тот мир, который он открыл для других людей. Его холсты доказали: нет универсального согласия по поводу того, какой должна быть окружающая нас реальность. Гоген стал подтверждением мыслей Гуссерля. Я сообщил о своем открытии моей спутнице.

— Реальность была своего рода заговором, и образы Гогена заставили людей принять новую, совершенно другую реальность.

— О боже, я так счастлива!

Дальше дорога сделалась настолько разбитой,

что автомобиль вынужден был сильно сбросить скорость. Затем киберводитель заявил: «Дальше дороги нет» — и остановился окончательно. Мы проверили герметичность шлемов, вылезли из машины и пошли пешком.

Вокруг не было ни души. Место столкновения было огорожено, но мы пролезли под проволоку. В кратер Коперника мы вошли через искусственный пролом, сделанный несколько лет назад. Ровная поверхность внутри кратера была сильно разбита. От высокой температуры, сопутствующей катаклизму, она оплавилась, превратясь в стекло. Мы зашагали вперед по предательски скользкой почве. Казалось, будто мы движемся по огромному катку. В центре образовался новый кратер, получивший название кратер P-L6344, над ним все еще курился дымок. Мы с Рослин остановились на краю этого нового кратера. Затем осторожно заглянули вниз. В одном месте корка серого пепла была надломлена, открывая взгляду какое-то красноватое свечение.

Когда мы отправились обратно, Рослин поскользнулась. Я успел схватить ее за руку, не дав упасть. Досадливо пробормотав что-то себе под нос, она пнула ногой то, что едва не стало причиной ее падения. Тускло блеснул какой-то

камешек. Рослин выдвинула вперед манипулятор скафандра. Металлические пальцы схватили камешек и подняли его к глазам. Это был не камень, а предмет ромбоидальный формы, явно искусственного происхождения. По размеру не больше вакуумной фляги. Внимательно осмотрев находку, мы захватили ее с собой.

Ромбоид P-L6344! Благодаря методике радиоуглеродной датировки выяснилось, что возраст нашей находки превышает два с половиной миллиона лет. При замораживании до уровня минус 183,333 градуса по Кельвину он раскрылся.

Из него появилось какая-то сложного устройства штука, которую сначала приняли за миниатюрную машину непонятного назначения. Машина двигалась очень медленно, выпуская наружу немалое количество всевозможных стерженьков и похожих на штопоры приспособлений. Анализ выявил, что она была изготовлена из различных полуметаллических материалов. Нам совершенно незнакомых. Созданных из того, что с нашей точки зрения является искусственными атомами, в которых точки полупроводников содержали тысячи электронов. Кроме того, наша находка излучала серии световых вспышек.

Странную вещицу сохранили в состоянии

заморозки при температуре 183,33 градуса по Кельвину.

В дело вмешалось начальство из ведомства развлечений, потому что исследование финансировалось именно этим ведомством, выставлявшим загадочный предмет из далекого прошлого для всеобщего обозрения как разновидность экспоната. Мне часто приходилось бывать в лабораторном комплексе. Случайно услышав обрывки разговоров тамошних сотрудников, собиравшихся перед односторонним стеклом, я понял, что многие из них не видели в этой штуке ничего выдающегося.

Ночью мы с Рослин одновременно вскрикнули, нам обоим пришло в голову одно и то же слово — «туристы». Мы тосковали о нашей собственной вселенной. Не здесь, не на Луне. Груди Рослин оказались самыми чудесными из всех, которых я когда-либо касался языком и губами.

Во время наших с Рослин бесед о странном, посылающем сигналы устройстве, должен признаться, именно она разгадала его сущность.

— Ты продолжаешь называть ее машиной, — сказала она. — Может, это действительно разновидность машины. Но она может быть и живым существом. Кто знает, вдруг это чудом сохра-

нившийся осколок из того времени, когда во вселенной еще не было такой формы жизни, в основе которой лежит углерод. Может быть, это добиотическое живое существо!

— Как ты сказала?

— Живое существо из той эпохи, когда жизни еще не существовало. Оно живое, потому что никогда не умирало, несмотря на то что оставалось в этой жестянке два миллиона лет. Знаешь, Терри, порой и невозможное случается. Наши жизни тоже невозможны. Эта штука, которую мы нашли, подарила нам как возможное, так и невозможное.

Инстинкт подсказывал, что нужно как можно скорее оповестить всех о сделанном нами выводе. И, в частности, сообщить об этом ученым. Однако Рослин убедила меня пока не делать этого.

— Как знать, может быть, в ней есть что-то такое, что предназначается только для нас с тобой. Может быть, мы раньше остальных узнаем об этом, а через день-два и они поймут, что она — разновидность живого существа. Мы должны воспользоваться форой во времени.

Настала моя очередь проявить сообразительность.

— Я записал все световые импульсы этой

машины. Давай попробуем расшифровать их, посмотрим, что они могут означать. Если эта штучка действительно обладает разумом, нас ждет великое открытие…

Вселенная движется своим загадочным курсом. Люди живут своими загадочными жизнями. Но мы с Рослин почти не спали, забываясь лишь на время, когда ее острые маленькие бедра ударялись о мои. Мы трансформировали световые волны в звук, запись с этим звуком прокручивали в обратном направлении, мы увеличивали скорость воспроизведения, а также замедляли ее. Мы даже приписывали им числовые значения. Все напрасно.

Состояние стресса, в котором мы пребывали, сделало нас вспыльчивыми, в любую минуту готовыми к ссоре. И все же были и краткие периоды спокойствия. Я спросил у Рослин, почему она поселилась на Луне. Образно говоря, мы уже умели читать друг друга, но алфавита практически не знали.

— Потому что оказалось, что пройти через ближайший «баргайст» гораздо проще, чем представляли себе родители моих родителей. И еще мне хотелось работать. И…

Рослин замолчала. Я терпеливо ждал, когда она

закончит предложение.

— Из-за того, что таилось в глубине моей души.

Она посмотрела на меня так, что я не смог ничего сказать в ответ на ее слова. Ей стало ясно, что я понял ее. Несмотря на мою работу, несмотря на карьеру, которая болталась на мне, как одежда на пару размеров больше необходимого, я жил ради далеких горизонтов.

— Говори же! — приказала Рослин. — Прочитай меня!

— Это — далекая перспектива. Это то место, где я живу. Ты скажешь: «Из-за того, что таилось в глубине моей души». Я всем сердцем понимаю тебя. Твое препятствие — это мое препятствие.

Рослин бросилась ко мне, целуя меня в губы и приговаривая:

— Господи, как же я люблю тебя. Я упиваюсь тобой. Только ты один понимаешь…

Я говорил ей в ответ то же самое, спотыкаясь на словах о том мире, который принадлежал нам двоим, который мы сможем постичь при помощи любви и математики. Мы превратились в зверя с двумя спинами и одним разумом.

Я принимал душ после очередной бессонной ночи, когда меня посетила одна мысль. Эта добиотическая квазижизнь, которую мы обнаружили,

испокон веков таилась глубоко под поверхностью Луны, не нуждаясь в кислороде, и являлась чем-то много большим, чем представлялось нам с Рослин. Какое же топливо, если таковое существовало, являлось источником питания ее ментальности? Ответ на это мог быть только один: холод!

Мы снизили температуру, используя лабораторное оборудование, работая в ночные часы, когда все остальные расходились по домам. При температуре 185,332 градуса по Кельвину импульсы оформились в фазу. Один градус ниже, и световые сигналы сделались непрерывными. Мы сфотографировали их с разных углов, прежде чем отключить сверхзаморозку.

То, что мы обнаружили, оказалось совершенно новым математическим методом. Это была математика совершенно иного существования. Она возводила фундамент под фазой той вселенной, которая была отрицанием нашей вселенной, которая отдаляла наш мир от нас и от нашего представления о нем. Дело не в том, что она делала нас архаичными созданиями, напротив, она скорее своей неоспоримой логикой демонстрировала нам, что мы не понимаем, насколько малой частичкой множеств обладаем.

Это была старая информация, значительно плотнее свинца и более прочная, чем гранит.

Неоспоримая информация.

Мы с Рослин, дрожа, взяли ее в руки и — в очередной раз в самый поздний ночной час, когда совершаются самые зловещие преступления — ввели наши вычисления в крейпьютер, контролировавший положение Луны. После ввода в мгновение ока…

Мы со стоном выбрались из дыры. Там стоял «баргайст» еще большего размера. Когда мы вошли в излучаемый им слабый свет, то увидели далекую перспективу, всегда присутствовавшую в нашем сознании, — далекий пустынный океан, свинцовые волны и безлюдный берег, который так часто возникал во сне, отдельные песчинки, которые похрустывали под нашими ногами.

Позади нас лежал мячик, который был Луной, выпавшей из своего обычного окружающего фона, Луной, давно достигнувшей почтенного возраста. Мячик, неподвижно лежавший на боку.

В безумном восторге от нашего невероятного предположения мы схватились за руки и бросились вперед.